

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 740

Е. А. Оде

ОНТОЛОГИЯ РЕЧИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ. ОТ ТЕОРИИ АФАЗИИ С. ШПИЛЬРЕЙН К ТЕОРИИ РЕЧИ И ПОНЯТИЮ ПЕРЕНОСА Ж. ЛАКАНА

Речь на протяжении всего относительно недолгого времени существования психоанализа являлась основным ресурсом и условием возможности этой дисциплины. С большим трудом мы можем представить себе функционирование такого психоаналитического процесса, который не имел бы в качестве своего основания сказанного пациентом. Однако и в поле психоаналитической дисциплины существуют градации речи, различные измерения и условия ее произнесения. К одним областям могут быть отнесены, например, частные случаи нарушения речи у пациента, к другим — особенности речевого взаимодействия между аналитиком и анализантом, к третьим — речевые социальные особенности среды, в которой находится анализируемый. Ниже будет предложено проанализировать теории афазии русского психоаналитика Сабиньи Шпильрейн и лишь затем подойти ближе к уже более известной области психоанализа — теориям Жака Лакана. Данное исследование представляет собой попытку приблизиться к пониманию феномена речи С. Шпильрейн, опираясь на схожие представления о речи Ж. Лакана.

С самых ранних статей внимание С. Шпильрейн было привлечено к вопросам так называемого феноменологического опыта индивидуума, к соотношению принципов его мышления с его переживаниями и опытом. Как мыслитель она во многом предвосхитила научно-методологические установки более позднего времени. Лейтмотив настоящей статьи — интерес С. Шпильрейн к двум человеческим способностям, связанным друг с другом: это, во-первых, феномен предсознательного мышления, к которому она обращается в своих психоаналитических практиках, и, во-вторых, способность сознания времени у индивидуума, вопросы и условия восприятия времени детьми, частными пациентами. С. Шпильрейн уделяет большое внимание принципам развития этой способности у человека. Другим ключевым вопросом становится для нее теория афазии, феномены невозможности речи вследствие нарушений как физического, так и психического происхождения.

Оде Екатерина Александровна — аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: catherine.ode@mail.ru

© Е. А. Оде, 2013

Чтобы обозначить исторический контекст рассматриваемых здесь вопросов, следует спросить сначала: кто такая Сабина Шпильрейн? Русский психоаналитик, одна из пионеров в своей дисциплинарной области, С. Шпильрейн¹, будучи пациенткой К. Г. Юнга, сама стала затем врачом и психоаналитиком. Получив степень в Цюрихском университете, она была принята (Фрейдом) в психоаналитическое общество Вены, а затем Женевы. Ее методологические открытия в дальнейшем переняли сам З. Фрейд, М. Кляйн, Ж. Пиаже, Д. Винникотт и многие другие. Проведя около двадцати лет в Европе, она затем вернулась в Россию и работала в качестве психоаналитика, педагога и просто «врача». Ее связь с научным сообществом была потеряна навсегда.

Особый интерес представляют психоаналитические методы Сабины Шпильрейн, в частности ее феноменологический подход к переживаниям пациентов. Период научной деятельности С. Шпильрейн приходится на промежуток 1910–1931 гг. Однако она не развивает эти научные интуиции, как это делал, например, в тот же период Л. Бинсвангер, с которым они оказываются причастны к одному научному сообществу. Возвращение в Россию не позволило С. Шпильрейн продолжить исследования в рамках «нормальной науки», так как психоаналитические теории не получили в СССР должного восприятия и распространения.

Как психоаналитика, Сабину Шпильрейн занимают вопросы соотношения мышления и языка, проблемы восприятия времени, теории распада «Я» (темпоральный процесс на филогенетическом уровне, влечение к смерти), а также вопрос: возможно ли мышление без (до) языка?

С. Шпильрейн указывает на то, что существуют нарушения в процессах взаимосвязи между мышлением и языком. Афазия² — один из этих случаев. Существует, уточняет она, три типа афазии: сенсорная, амнестическая и моторная³. В первом случае больной может говорить сам, но не понимает, что говорят ему. Во втором — больной не помнит названий предметов; в третьем — больной «всё помнит, всё понимает, но не может ничего сказать» [1, с. 308]. Среди различных определений афазии Сабина Шпильрейн указывает на дефиницию Х. Джэксона, согласно которой поражение некоторых участков мозга приводит к распаду высших психических функций, и они заменяются низшими: «Утрата наиболее интеллектуальной (наиболее произвольной) речи при сохранении эмоциональной (более автоматизированной). Больной не может говорить, и его мимика очень проста» [3, р. 319]. Она также приводит другое определение Джэксона: «интеллектуальное расстройство особой природы, утрата способности соотносить понятия с символическими знаками, репрезентирующими их» [3, р. 320]. Так, С. Шпильрейн описывает один случай больного афазией, которому «не хватало связности между идеей и словом, способности использовать слово в качестве символа объекта» [1, с. 309]. Стоит упомянуть, что в период, предшествовавший написанию работы, Сабина Шпильрейн на протяжении года в рамках Швейцарского психоанали-

¹ С. Шпильрейн (1885–1942; скончалась в Ростове-на-Дону). В современном культурном пространстве Сабина Шпильрейн известна скорее и, к сожалению, благодаря интриге, которую она спровоцировала между Фрейдом и Юнгом.

² «Неспособность говорить, церебрально обусловленная. Слух находится в сохранности. Моторные пути свободны; нервы, мышцы, все органы речи не поражены; в большинстве случаев больной не способен повторить то, что ему говорят. ... Однако ученые далеки от согласия. ... Существует (в мозгу) несколько речевых центров, поражение которых вызывает различные формы афазии» — первое определение Сабины Шпильрейн [1, р. 311].

³ Данная проблема также рассматривалась в работе З. Фрейда «Афазия» [2].

тического сообщества принимала участие в еженедельных заседаниях малой исследовательской группы, членами которой были также Р. де Соссюр, Ж. Пиаже и др.⁴

Наряду с этим С. Шпильрейн обращает свое внимание на природу мышления детей до двух лет. Афазия, согласно ее взглядам, соответствует начальному уровню развития сознания, свойственному детям раннего возраста ([1]; см. также: [5–6]). Таким образом, сознание больного афазией представляет собой возвращенное состояние сознания маленького ребенка.

Есть различие, которое позволяет определить феноменологическую перспективу вопроса. Мы различаем, говорит С. Шпильрейн, «направленную мысль, цель которой мы осознаём, и мысль спонтанную, цель которой нами не осознаётся» [7, с. 306]. Затем она уточняет, что «любая мысль так или иначе является направленной» [7, с. 307]⁵. Однако закономерности «направленности» спонтанного мышления представляют из себя более сложный механизм, так как они не являются столь явными. Особенности спонтанной мысли, т. е. предсознательного мышления, которое идет всегда как бы параллельно сознательному, и есть то, что интересует психоаналитиков. У детей раннего возраста, находящихся на начальной ступени развития сознания, мышление всё еще работает по принципам спонтанной мысли. Нет ничего проще, напоминает С. Шпильрейн, чем отвлечь внимание ребенка, предложив ему, например, другую игрушку вместо того запретного объекта, который неожиданно заинтересовал малыша. Однако это вовсе не означает, продолжает она, что первоначальный объект мысли исчезает из поля «желания» ребенка абсолютно бесследно, — он не может так легко перейти от одной мысли к другой. Направленная на объект сознательная и предсознательная (спонтанная) мысль по-разному «удерживают» и избирают свой интенциональный объект. Понять, как в этом смысле функционирует пред(под)сознательное мышление, и есть задача психоанализа, согласно С. Шпильрейн. Для этого она анализирует спонтанное мышление ребенка, опираясь на «детский лепет» и набор на первый взгляд мало связанных между собой «слов», которые он произносит. Сабина Шпильрейн выделяет среди них группы понятий, принадлежащих к одной общей идее. Однако выбранные объекты есть уже как бы способ отношения ребенка к реальности. «Среди впечатлений окружающей его реальности ребенок выберет те, которые входят в группу известных ему понятий; он будет действовать так же, как мы в сновидениях⁶, заимствуя из реальности то, что нам подходит, и деформируя реальность в соответствии с нашими мечтами. Гипотеза для ребенка равна реальности. Даже детский вопрос не выполняет функцию собственно вопроса, который является точкой отсчета в исследовании, в адаптации к неизвестному. Если ребенок спрашивает “где барашек?”, то это вовсе не потому, что он замечает, что барашек исчез; ребенок сам себе отвечает “вот он” или “он ушел”, ничуть не заботясь, отвечает ли это реальности. Ребенок “играет”, говорим мы, но он “играет” всегда» [1, р. 319]. Ребенок двух лет говорит всё, что ему приходит в голову, как это и требуется во время сеанса. Но в то же время он произносит это всё затем, чтобы дать идентификацию (согласно собственному хотению) всему, что его

⁴ *Groupe psychanalytique internationale*, или малая психоаналитическая международная группа [4, S. 234]. Участники: проф. П. Бове, доктор В. Бовен, приват-доцент Ф. Морель, доктор Р. де Соссюр, доцент Ж. Пиаже, доктор С. Шпильрейн, проф. Э. Клапаред, доктор А. Флурнуа и доктор Ш. Одье.

⁵ В оригинальном тексте статьи [1, р. 306] различие проводится между направленной (управляемой нами) и ненаправленной мыслью.

⁶ Сновидение также является предсознательным мышлением.

окружает, чтобы определить выбираемую им реальность. То есть, называя слово, он дает возможность вещи существовать в (его) реальности.

Именно об этой функции речи, «творящей» реальность, и говорит Жак Лакан в своем семинаре 1953/1954 г.⁷ Речь и слово никогда, поясняет он, не имеют одного только значения. «У слова нет единственного употребления, всегда есть различные варианты его использования. Значение есть некое “по ту сторону”, оно всегда амбивалентно. За тем, что говорится, прячется другой смысл, а за ним еще один, и так до бесконечности. Ничего из этого не могло бы произойти, иначе как благодаря тому, что речь имеет эту *fonction créatrice*»⁸. И что речь заставляет возникнуть саму вещь, которая есть не что иное, как концепт» [8, р. 36]. Еще согласно Гегелю, продолжает Лакан, *концепт — это время вещи*. Или: «Концепт всегда есть там, где вещи нет, он как бы заменяет вещь» [8, р. 39]. То есть концепт — это то, что вещь представляет собой в данном конкретном смысле. Так *время вещи* тоже становится онтологической функцией.

Сабина Шпильрейн сразу отказывается от кантовской точки зрения в вопросе о времени, показывая, что представления о нем развиваются у детей неодинаково. Парадоксальным фактом называет она то, что «психически мы ничего не воспринимаем в настоящем» [9, с. 112]. Всё наше *впечатление* состоит из многих аффектов прошлого, в частности относящихся к инфантильному опыту. Таким образом, наше восприятие никогда не является чистым, а представляет собой сложный «комплекс эмоционально окрашенных воспоминаний, переживаний» [9, с. 113], исходящих еще из детства. Статус инфантильного продиктован здесь филогенетическими процессами развития человека. Время в нашем восприятии всегда направлено к реальному, но движение предсознательного на уровне вытеснения затуманивает акт восприятия. Эти неосознанные полностью эмоции наслаиваются на актуальное восприятие и производят уникальную, свойственную только нам одним точку зрения. Так формируется *я-отношение*, которое в попытке коммуникации с другими становится *мы-отношением*. Таким образом, Сабина Шпильрейн выделяет три типа языка: магический, аутистический и социальный. Первый — не что иное, как тот самый творящий тип речи, имеющий логологическую⁹ функцию, магический язык детей и первобытных людей, призывающих бытие. Второй язык аутистический — язык-для-себя, т. е. не направленный вовне, в отличие от третьего языка — социального, языка-для-других. Именно здесь и выстраивается окончательное представление о реальности, которое затем всё время трансформируется в зависимости от сказанного. С. Шпильрейн приводит примеры больных афазией с их плохой способностью ориентироваться либо во времени, либо в пространстве. Недостаток в представлениях о времени есть, по ее мнению, неспособность разграничивать противоположности. Но *время вещи*, вероятно, предполагает более чистую категорию.

Что такое *время вещи*? Как это *время вещи* может быть соотнесено с реальностью, выстраиваемой нами в момент произнесения речи? Здесь Лакан перебрасывает мостик от Гераклита к Фрейдю: «Если мы представляем себе существование вещей в абсолютном движении, в таком, где никогда течение мира не происходит дважды в той же самой ситуации, то это именно потому, что *единство* в разнообразии (*différence*, разница, различие) уже насыщено вещью» [8, р. 369]. Фрейд сформулировал это, сказав, что бес-

⁷ «Техники письма Фрейда» (*Les écrits techniques de Freud*) — «Речь в переносе» [8].

⁸ Творящая функция, творческая, производящая сила речи. Б. Кассен определяет ее как «способность речи творить бытие».

⁹ Термин, предложенный Б. Кассен для обозначения этой креативной функции речи.

сознательное существует вне времени¹⁰. То же самое утверждает С. Шпильрейн, еще до Фрейда открывшая влечение к смерти¹¹. Бессознательное, пишет она, «лишает событие его свойства принадлежать к настоящему времени, оно трансформирует событие» [10, с. 87] и отрывает его ото всякого определенного представления о временности. Возвращаясь к понятию концепта, мы видим, что его использование есть не что иное, как *привлечение* идеи, вещи из разнообразия¹². Это ее «*être-le-là*»¹³. Речь в психоанализе, говорит Лакан, основательно положена и укоренена во время, в постоянную трансформацию опыта. Если концепт — это действительно время, тогда каждый уровень смысла отличается от предыдущего на ранг. «Актуальность» речи как раз и состоит в том, чтобы производить резонанс всех этих времен, смыслов.¹⁴ Именно в этом и заключается ценность «этого *актуального акта*, который делает речь *пустой* или *полной*. Об этом и идет речь в анализе переноса, когда нужно знать, в какой степени своего присутствия речь является *полной*» [8, р. 57]. Как известно, концепт *полной речи* у Лакана имеет смысл онтологический.

Лакан задается вопросом об определении переноса. Основание его, пишет он, — это проецирование в реальность того, чего в ней нет [8, р. 367]. Есть у субъекта примитивное требование, несогласованность между собственным миром и внешним, в основе которой лежит недостаток того, что становится экзистенциальной необходимостью. И действительно, перенос — «это когда образ, который субъект требует для себя, смешивается субъектом с реальностью, в которой он находится» [8, р. 370]. Какова природа этого явления? Оно проистекает из уже имеющейся готовности к переносу, из этой разницы, которая не понимается субъектом как возможность, но как еще неопределимая бездна. Перенос именно поэтому завязан на условия речи — полной или пустой, вся ее онтология становится экзистенциальной драмой для субъекта.

Урсула Прамешубер [11] и Бернард Пено [12] доказывают, что С. Шпильрейн во многом предвосхитила дальнейшее развитие психоанализа, что ее концепция — феноменологическая, оценить ее можно лишь спустя годы, с приходом М. Хайдеггера и Л. Бинсвангера¹⁵. М.-С. Берто [13] пишет о теориях языка В. Волошинова, Л. Выготского и Л. Якубинского и об акустическом измерении речи. Она выделяет два возможных регистра речи — внешний и внутренний (акустический). Здесь понимание достигается за счет бытия, разделяемого субъектами в лингвистической форме. Любопытно, что мы находим это как у Шпильрейн [7; 14], так и у Лакана [6]. Язык развивался по законам предсознательного мышления, спонтанно — вот гипотеза Сабины Шпильрейн. Весь онтологический акцент здесь падает на совместное бытие в языковой форме.

За пределами психоаналитической онтологии соотношение слова и вещи превращается в проблему, крайней патологической степенью которой является афазическое

¹⁰ То есть не соприкасается с настоящим временем.

¹¹ Распад «Я», деструктивный эффект сексуального влечения потому еще имеет столь важное значение, что связан с «движением времени» и прослеживается на филогенетическом уровне [9].

¹² Концепт — это «*identité dans la différence*» (единство в разнообразии).

¹³ Бытие «будучи чем-то конкретным, в настоящий момент времени» — так переводится на французский язык термин М. Хайдеггера «*Dasein*», и эту же дефиницию предлагает в 1922–1923 гг. С. Шпильрейн [5–6].

¹⁴ Потому что мы всегда оказываемся отосланы к другой речи, более глубокой (от одного смысла к другому).

¹⁵ В текстах С. Шпильрейн 1923 г. мы сталкиваемся с хайдеггеровскими понятиями.

мышление. Таким образом, значения и смыслы, которые идут параллельно и не оказываются в резонансе с реальным в момент произнесения, принадлежат измерению предсознательного мышления и никогда не уходят из поля дискурса полностью. Есть только работа избираемости этих «вещей». Эти другие смыслы — ранжированные, более глубинные — соотносятся так или иначе с инфантильными переживаниями, с участием которых выстраивается, согласно С. Шпильрейн, наше *актуальное*.

Литература

1. *Spielrein S.* Quelques analogies entre la pensée de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensée subconsciente // Archives de psychologie. Genève: Editions Médecine et Hygiène, 1923. P. 306–322.
2. *Freud S.* Zur Auffassung der Aphasien. Eine kritische Studie. Leipzig; Wien: Fr. Deuticke, 1891. 107 S.
3. *Jackson J.H.* Croonian Lectures on the evolution and dissolution of the nervous system // Br Med J. 1884. No. 1 (1215). P. 703–707.
4. *Spielrein S.* Schweiz // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1922. Band 8, Heft 2. S. 234–235.
5. *Spielrein S.* Die Zeit im unterschwelligem Seelenleben // Imago. 1923. No. 9. S. 300–315.
6. *Spielrein S.* Psychologisches zum Zeitproblem // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1922. Band 8, Heft 4. S. 496–497.
7. *Шпильрейн С.* Несколько аналогий между детским, афазическим и подсознательным мышлением // Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск: ЭРГО, 2008. С. 305–327.
8. *Lacan J.* Les écrits techniques de Freud. Paris: Editions Points Janvier, 1997. 439 p.
9. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск: ЭРГО, 2008. С. 109–154.
10. *Шпильрейн С.* Вклад в дискуссию по докладу В. Штекеля и Й. Рейнхольда о «Мнимом отсутствии времени в бессознательном» // Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск: ЭРГО, 2008. С. 86–87.
11. *Prameshuber U.* La contribution de Sabina Spielrein à la psychanalyse // Le Coq-héron. 2009. T. 197, No. 2. P. 32–40.
12. *Penot B.* Réponse à Juan Gennaro. Correspondance privée, inedited // Société Psychanalytique de Paris. URL: http://www.societe-psychanalytique-de-paris.net/wp/?model_proposition=une-soi-disanti-pulsion-soi-disant-de-mort (дата обращения: 01.09.2012).
13. *Bertau M.-C.* Pour une notion de forme linguistique comme forme vécue. Une approche avec Jakubinskij, Volosinov et Vygotskij // Langage et pensée: Union Soviétique, années 1920–1930 / P. Sériot, J. Friedrich (éds.). Lausanne: Université de Lausanne, 2008. P. 5–28. (Cahiers de l'ILSL. No. 24). URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/recherche/biblio/08LGGPENSEE/Bertau.pdf> (дата обращения: 01.09.2012).
14. *Шпильрейн С.* Возникновение детских слов «папа» и «мама» // Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск: ЭРГО, 2008. С. 258–283.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2012 г.